АРХЕОЛОГИЯ

А. В. Корохина, В. И. Квитковский

Материалы эпохи поздней — финальной бронзы с многослойного селища Пятницкое-I в бассейне Северского Донца

Селище Пятницкое-I расположено в 1 км к югу от одноименного села в Печенежском районе Харьковской области, является многослойным. Оно занимает широкую пойму левого берега р. Большая Бабка (правый приток Северского Донца). Его площадь значительна: вдоль реки оно тянется широкой (≈1 км) полосой на протяжении ≈2 км (рис. 1). Природной особенностью данного памятника является то, что гнезда поселений здесь располагались на песчаных останцах первой надпойменной террасы левого берега реки[1], которые, видимо, не затапливались во время весеннего половодья[2]. На сегодняшний день территория памятника частично задернована, частично находится под распашкой.

Памятник был открыт С. А. Плетневой во время разведок в 1957 г. Исследовательница на основании подъемного материала объявила о существовании на левом берегу р. Большая Бабка двух селищ салтово-маяцкой культуры, расположенных в 500–600 м друг от друга. Тогда же было предположено наличие здесь культурного слоя бронзового века [2, с. 7–8]. Первые археологические исследования здесь были проведены Б. А. Шрамко, после случайного обнаружения вещей из раннесредневекового кремационного погребения [3, с. 48–50]. С тех пор, несколькими исследователями, в разных частях поселения было заложено 9 раскопов[3] — 7 на левом берегу реки, 2 на правом (рис. 1). На всех левобережных раскопах был обнаружен культурный слой салтово-маяцкой культуры (VIII—IX вв.). На правом берегу (раскопы 7, 8), за исключением обломка кремниевого нуклеуса и фрагмента кухонного горшка салтовской культуры, археологического материала не было [4, с. 13][4].

Материалы, относящиеся к эпохе бронзы, были обнаружены в раскопах 1, 3 и 9 (рис. 1).

---

[1] В археологической литературе такие возвышения традиционно именуют дюнами.

[2] Такая же особенность неоднократно отмечалась для других микрорайонов Подонцовья [1].

[3] Исследования на памятнике проводились харьковскими археологами Б. А. Шрамко (1977 г.), В. К. Михеевым (1978, 2005 гг.), А. В. Крыгановым (1988, 1990 гг.), В. В. Колодой (2008, 2009 гг.). С 2009 г. и по сегодняшний день работы по изучению селища проводятся под руководством одного из авторов данной работы.

[4] Более подробная история исследования памятника уже была освещена в литературе [5, с. 14–16].

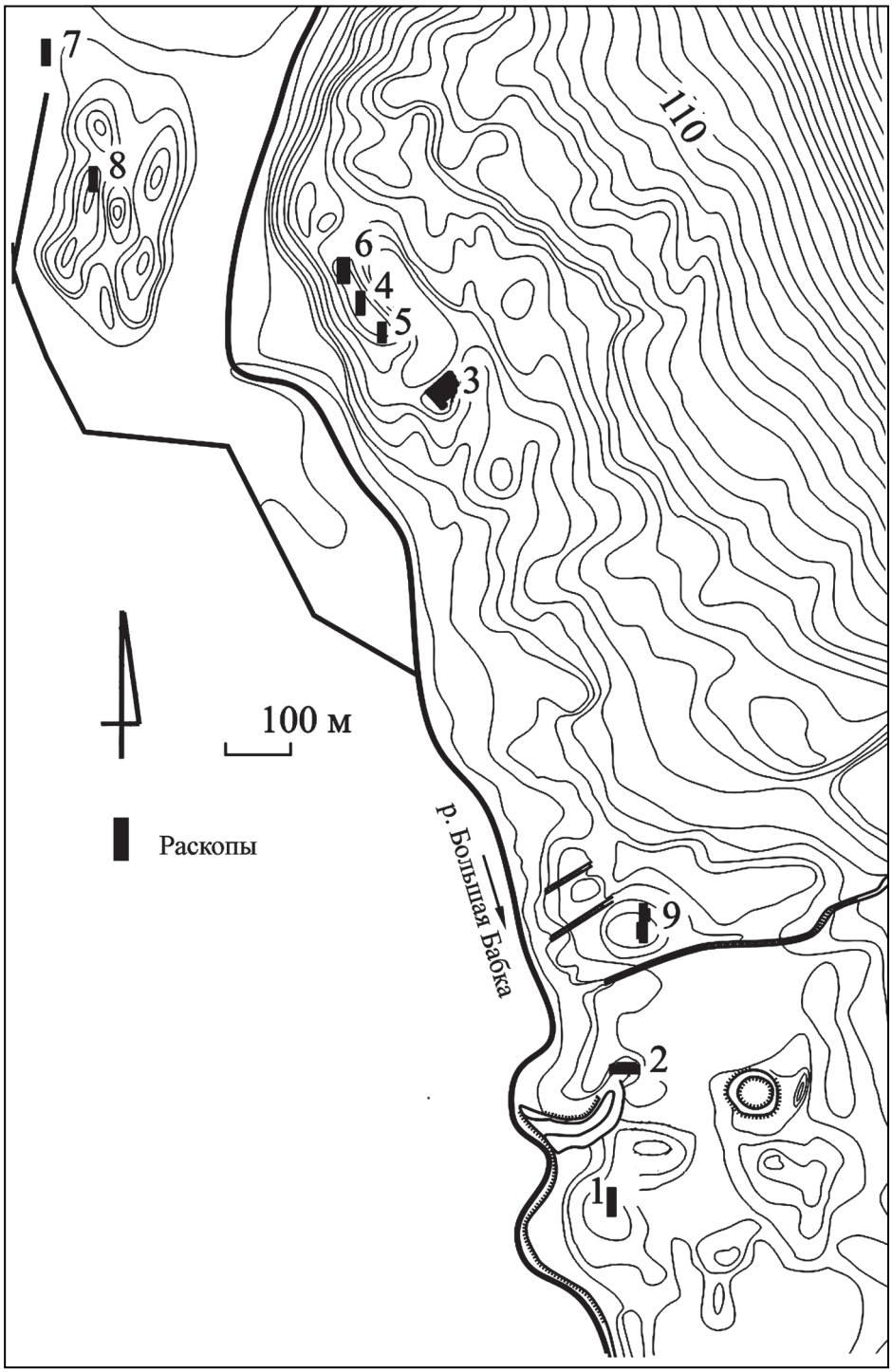


Рис. 1. Топографический план селища Пятницкое-I

Fig. 1. Topographic plan of the settlement of Pyatnitskoe-I

Так, в раскопе 1 встречались лишь единичные фрагменты керамики срубной культуры [6, с. 7]. По всей площади раскопа 3 встречались отдельные фрагменты посуды бронзового века, хотя отдельного культурного слоя эпохи бронзы здесь не было. Кроме того, в северо-западной части раскопа, практически на уровне материка (60–80 см) было обнаружено 2 развала сосудов срубной культуры поставленных устьем вверх [7, с. 16; табл. XXVII], а в восточной части был исследован комплекс бондарихинской культуры с тремя перевернутыми вверх дном сосудами [8, с. 22–23][1].

Лишь в раскопе 9, расположенном в южной части поселения на песчаном останце, примыкающем к левому берегу р. Большая Бабка (рис. 1), под раннесредневековым слоем залегал культурный горизонт бронзового века. Его мощность была различной на разных участках — от 25 до 50 см. Здесь, кроме комплексов раннего средневековья, были исследованы пять хозяйственных ям срубной культуры и одно ингумационное захоронение предположительно постсрубного времени, а также единичные артефакты, принадлежащие к культурам ямочно-гребенчатой керамики, бондарихинской и скифской [9, с. 147–148; 10, с. 185–186].

Обнаруженные на поселении материалы эпохи бронзы представляют срубную культурно-историческую общность(СКИО), традиции постсрубного времени и бондарихинскую культуру[2].

Керамика СКИО локализовалась в культурном слое и в заполнении хозяйственных ям (раскоп 9).

Керамическая коллекция немногочисленна, представлена фрагментами венчиков от 10 сосудов, среди которых достаточно уверенно выделяется только тип банок. В большинстве случаев они имеют выраженные плечики при отсутствии шейки (рис. 2: *1–6*). Степень «открытости» различна, при этом точную профилировку в ряде случаев восстановить затруднительно. Возможно, некоторые экземпляры имели горизонтальные пропорции (рис. 2: *1, 6*) — иногда такие сосуды выделяются в разновидность «миски» [11, с. 90, рис. 79]. Несколько сосудов имеют слабую профилировку, но их тип и размеры точно не устанавливаются. Их венчик чаще слегка отогнут при выделенном плечике (рис. 2: *7–9*), в одном случае он вертикальный (рис. 2: *10*). Срезы венчиков округлые (рис. 2: *1–2, 5–6, 8–9*), уплощенные (рис. 2: *3–4, 7, 10*), иногда имеют небольшую закраину с внешней стороны (рис. 2: *5–7*).

Большинство фрагментов орнаментировано рядом вдавлений разной формы: широких подпрямоугольных под срезом венчика (рис. 2: *4*); выполненных наклонными отпечатками орнаментиром с узкой рабочей частью в верхней части плечиков (рис. 2: *7*); длинных вдавлений орнаментиром с неширокой рабочей частью на шейке (рис. 2: *8*); подовальных на плечиках (рис. 2: *10*). Есть зигзаг, выполненный отпечатками веревки под срезом веничика (рис. 2: *3*). Часть фрагментов не орнаментирована (рис. 2: *1–2, 5–6, 9*). Внешняя и внутренняя поверхности керамики могли обрабатываться расчесами мелкозубчатого штампа (рис. 2: *1, 8–9*). Внешние поверхности оранжевого, коричневого, серого цветов и всегда светлее внутренних — черных, иногда с более светлыми участками. В тесте визуально различается шамот.

Рассмотренную керамику предварительно можно отнести к бережновско-маевской срубной культуре (по В. В. Отрощенко), общая датировка которой определяется XV—XIII вв. до н. э. [12, с. 155–162; 13, с. 19]. Скорее всего, описанные артефакты связаны с существовавшим здесь поселением.

Хронологически более поздним по отношению к нему является погребение в раскопе 9, представляющее **традиции постсрубного времени.**

[1] Описание комплекса и найденных в нем сосудов будет приведено ниже.

[2] В настоящей работе ставится цель введения в научный оборот материалов раскопок 2008–2012 гг., непосредственно доступных авторам для обработки.

Рис. 2. Керамика эпохи бронзы с поселения Пятницкое-I:
1–10 – керамика срубной культурно-исторической общности; *11–13* – керамика бондарихинской культуры

Fig. 2. Bronze Age ceramics from the settlement of Pyatnitskoe-I:
1–10 – ceramics of Srubnaya (Timber-Grave) Cultural-Historical Entity; *1 1–13* – ceramics of Bondarikha Culture

Ингумационное погребение было совершено в культурном слое. По всей видимости, оно было опущено в неглубокую яму, проследить которую не удалось. Общий уровень залегания скелета составлял –70 см, но отдельные кости найдены и на глубине в 80 см.

Костяк лежал головой на юг, лицом также — на юг, нижняя челюсть — вверх (рис. 3: *1*). Скорченность позвоночника практически не прослеживается по причине отсутствия «in situ» ребер и большинства позвонков. Погребенный находился на правом боку. Нижние конечности согнуты в бедренном суставе практически перпендикулярно линии позвоночника, колени максимально согнуты, стопами — максимально к тазу. Кости стопы сохранились лишь частично, равно как и позвоночник. Отдельные позвонки и осколки ребер найдены вокруг костяка в радиусе до 3 м. Правая плечевая кость располагалась к линии позвоночника под углом $\approx 15^0$ к северо-востоку, малая кость предплечья внешним концом ориентирована практически на восток. Левая плечевая кость отходила от головы к западу практически под прямым углом, кости левого предплечья обращены к северу (под углом $\approx 120^0$). Кисти «in situ» вовсе отсутствовали. На месте найдена правая ключичная кость [14, с. 38–39]. В целом, судя по положению сохранившихся костей, покойный был уложен по линии юго-юго-запад — северо-северо-восток (рис. 3: *1*). Плохая сохранность скелета объясняется деятельностью грызунов и антропогенным воздействием в эпоху раннего средневековья.

Приблизительно в метре на юго-юго-запад от черепа (по оси костяка), в культурном слое, на глубине 70 см были найдены два развала сосуда [15, с. 26; рис. 43]. Меньший сосуд был вставлен в больший дном вверх. При обнаружении они были завалены на бок (венчиком большего сосуда на юг). Возможно, эти сосуды являются элементами погребального обряда. Хотя связь их со срубным поселением также не исключается.

Отметим, что юго-восточнее погребения была найдена небольшая круглая хозяйственная яма эпохи бронзы (рис. 3: *1*), которая, по-видимому, относится к поселению, существовавшему здесь до совершения погребения.

Меньший из сосудов, отнесенных к погребению — целый, слабопрофилированный, горшковидной формы (рис. 3: *2*). Короткий венчик слабо отогнут, наибольшее расширение тулова приходится на первую треть высоты, дно с закраиной. Высота 15 см, d венчика 12–14 см, d боков 15,5 см, d дна 7,5 см. Внешняя поверхность темно-коричневая с черными участками, хорошо заглажена, внутренняя — черная. Орнамент покрывает верхнюю часть тулова, опускаясь чуть ниже боков. Он выполнен специфическим мелкозубчатым штампом («колючая проволока») и включает два примыкающих друг к другу горизонтальных фриза. Первый фриз охватывает плечики, второй размещен на боках сосуда. Последовательность мотивов сверху вниз следующая: одна горизонтальная линия; ряд обращенных вправо «уточек»; две горизонтальные линии (разделители фризов); зигзаг, выполненный двумя параллельными линиями штампа; две горизонтальные линии, замыкающие нижний фриз.

Второй сосуд реконструируется до уровня придонной части. Сосуд слабопрофилированный горшковидный (рис. 3: *3*). Короткий венчик слабо отогнут, наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты. Высота сохранившейся части 21 см, d венчика 22–22,5 см, d боков около 26 см. Поверхности коричневые с черными участками, обработаны расчесами зубчатого штампа (крупнее, чем малобудковские). На внешней стороне от венчика до боков расчесы вертикальные, на уровне боков — горизонтальные, в придонной части — диагональные. На внутренней поверхности горизонтальные расчесы покрывают участок венчика и придонной части, начиная от боков. В тесте визуально заметна примесь шамота. На верхнюю часть плечиков (сразу под изгибом шейки) нанесена прочерченная или штампованная горизонтальная линия. С обеих ее сторон разнонаправленные отпечатки гладкого штампа создают мотив «елочки». По обе стороны от нее, на шейке и на боках нанесены по одному ряду наколов подтреугольной формы. Срез венчика орнаментирован наклонными вправо отпечатками гладкого штампа.

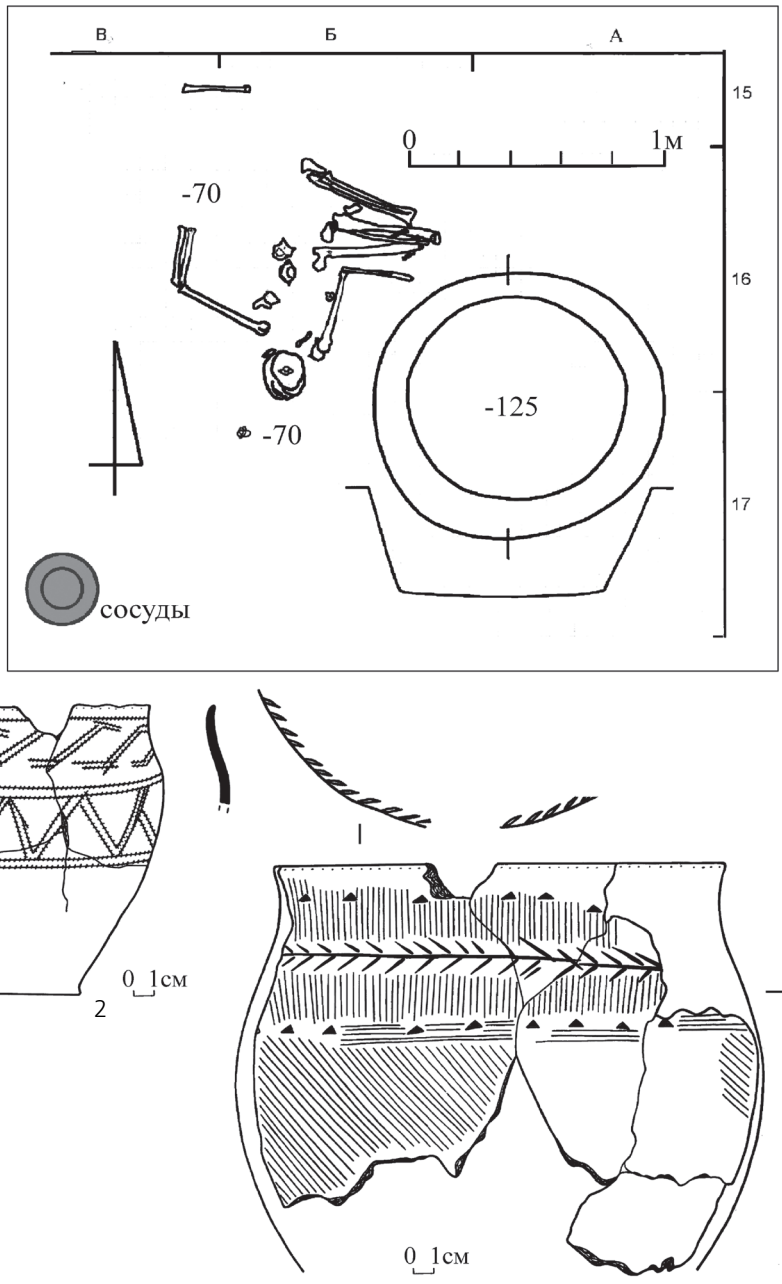


Рис. 3. Материалы постсрубного времени из раскопа 9:
1 – план ингумационного погребения. По: В. В. Колоде [14, рис. 63]; *2–3* – сосуды, найденные вблизи погребения

Fig. 3. Materials of Post-Stubnaya Culture period from the pit 9:
1 – plan of the inhumation burial. After: V. V. Koloda [14, рис. 63]; *2–3* – pottery found near the burial

В пользу датировки погребения временем финальной бронзы свидетельствуют, прежде всего, черты обряда — сочетание правобочного положения костяка и ориентации его в южном секторе, которые представляют определенную тенденцию в развитии погребальной обрядности населения Восточной Европы в рассматриваемое время. Ближайшие формальные аналогии этой традиции демонстрируют белозерская [16, с. 131], кобяковская [17, с. 24–26], отрадненская [18, с. 62; 19, с. 67; 20, с. 142–144; 21, с. 14–19; 22, с. 203], сусканская и ивановская культуры [23, с. 246–247, 256; 24, с. 212–213, рис. 1–2; 47, с. 212], некоторые погребения эпохи финальной бронзы Восточной Украины со спорной культурной атрибуцией, включенные В. А. Ромашко в состав «богуславско-белозерской» культуры [25, с. 76, рис. 2, *11*; 26, с. 35, рис. 4, *3–4*; 27, с. 118, рис. 2, *1–4*; 28, с. 158–161]. Для СКИО эта традиция не характерна. Правда, и в последнем случае на заключительном этапе существования общности наблюдается появление в подкурганных захоронениях правобочного положения погребенных, либо их ориентация в южном (точнее — юго-восточном) секторе [12, с. 161, мал. 32; 28, с. 56–57; 29, с. 45; 30, с. 14, 17, табл. 10, 1–2; 12, 4–5; 31, с. 26–27, рис. 2, 4–5; 32, с. 69, рис. 1, 14, табл. 1; 33, с. 191–194 и другие].

Сосуды, обнаруженные вблизи от погребения, имеют близкую датировку и, как уже отмечалось, могли представлять сопровождающий его инвентарь.

Один из сосудов представляет традиции федоровской культуры андроновской культурно-исторической общности (рис. 3: *2*). Подобная керамика и другие находки андроноидного облика распространяются на запад вплоть до Поингулья. В частности, на территории Украины они зафиксированы в памятниках срубной общности[1], сабатиновской культуры и тшинецкого культурного круга [12, с. 161; 33, с. 71; 34, с. 93; 35, с. 72, 75–78; 36; 37, с. 63–65; 38, с. 122; 39, с. 181–183; 40, с. 248–250 и др.]. В. А. Ромашко также отмечает находки фрагментов андроноидных кубков в горизонтах поселений постсрубного времени Восточной Украины, датированных им второй половиной XIII—XI вв. до н. э. Исследователь связывает их уже с местной традицией керамического производства [28, с. 180–202]. Правда, здесь следует учитывать, что в целом для культур постсрубного горизонта/типа отмечен иной состав компонентов, представляющий «восточную группу» [35, с. 75–78; 40, с. 250, 254], в связи с чем указанную традицию, видимо, следует считать изживающей себя.

Второй сосуд указывает на возможность датировки комплекса временем финальной бронзы (рис. 3: *3*). В пользу этого свидетельствует характерный мотив орнамента в виде прочерченной «елочки» в сочетании с наколами. Его аналогии в Днепро-Донском междуречье известны на ряде поселений Лесостепи, которые в настоящее время правомерно относить к белозерскому времени — Шоссейное [41, рис. 5, *14*], верхний горизонт Таранцево [42, рис. 5, *12*], Клешня III [43, рис. 10, *6*], либо переходному к нему периоду — Песочин-Мобиль [44, рис. 2, *15*][2]. В работах последних десятилетий памятники подобного типа определяются чаще как «постсрубные», либо «финальносрубные», хотя атрибуция и ключевые вопросы их развития до сих пор остаются в состоянии дискуссии. Не останавливаясь подробно на ее нюансах [историографию см.: 28, с. 17–31], отметим практически

[1] Ю. И. Колев относит «срубные» погребения с андроновской керамикой Поднепровья к кругу древностей ивановской культуры или же к таковым, которые «демонстрируют процесс становления ивановской обрядности и участие андроновских традиций в формировании ивановской культуры» [47, с. 212–213].

[2] Подобный орнамент зафиксирован также на керамике малобудковского типа [35, рис. 14, 1] и развитой бондарихинской культуры [45, рис. 1, 6] — образований белозерского времени, однако пятницкий сосуд по форме и технологии не является бондарихинским.

единодушное признание исследователями многокомпонентного характера постсрубных образований, при значительном влиянии восточных валиковых культур в их сложении.

Так, Я. П. Гершкович в составе формирований соответствующего типа на территории Восточной Украины и Нижнего Поднепровья выделил группу «восточного», «поволжско-приуральско-казахстанского происхождения» [35, с. 72–89; 46]. В ряде работ постсрубные/финальносрубные памятники региона также непосредственно соотносятся с постсрубными и постандроновскими культурами Поволжско-Уральского региона (ивановской, саргаринско-алексеевской) [47, с. 209–210, 213, 220; карта 1; 48, с. 270], что представляется достаточно радикальным решением проблемы. Вместе с тем, значение восточного вектора контактов признается и теми исследователями, которые отстаивают тезис о местной основе сложения постсрубных памятников Восточной Украины [22, с. 227–228; 28, с. 212–235; 49, с. 62–68; 50, с. 17; 51, с. 50].

Таким образом, обнаруженные вблизи от погребения сосуды, вероятно, можно датировать временем перехода от эпохи поздней бронзы к ее финальному (заключительному) этапу.

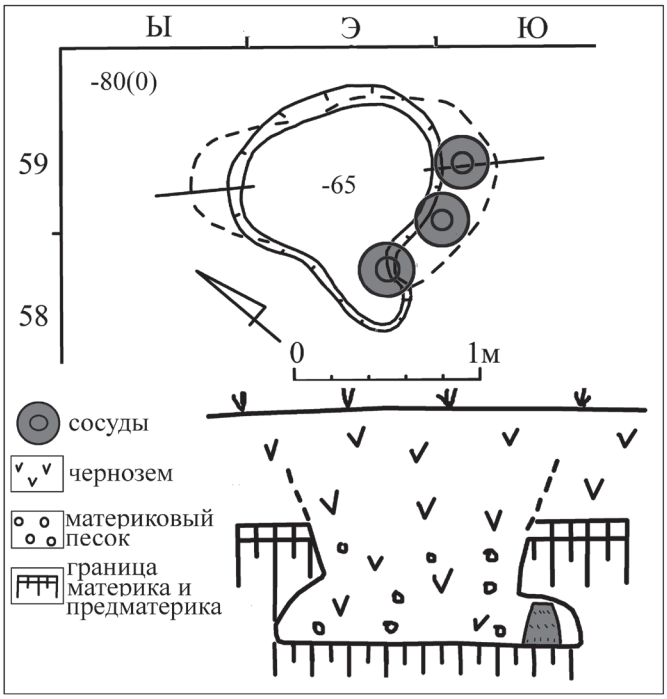
Предположение о связи их с погребением (в частности, сочетание андроноидного сосуда с отмеченными особенностями положения погребенного), наводит на мысль о возможности поиска аналогий этого предположительного комплекса в образованиях Волго-Уральского региона. Наиболее вероятную аналогию, в таком случае, представляет сусканская культура Лесостепного Поволжья. Правда, для ее погребальных комплексов характерной считается юго-восточная ориентация погребенных [23, с. 246–247, 250–251]. Однако к «сусканско-атабаевской традиции» отнесены и погребения на поселении Шигоны III, ориентированные на юго-юго-запад и датированные финальным бронзовым веком [24]. Не исключено, что пятницкий и шигонские комплексы представляют явления одного культурного порядка. Формально их объединяет расположение в культурном слое поселений, ориентация и правобочная позиция погребенных, присутствие керамики, представляющей сусканскую традицию (в нашем случае – предположительное), датировка. Отметим также, что распространение элементов сусканской культуры на запад фиксируется до Среднего Поднепровья [40, с. 250, рис. 4, *1–2*], и именно с влиянием ее и черкаскульской культуры В. В. Отрощенко связывает происхождение правобочного положения погребенных в среде бережновско-маевской срубной культуры [12, с. 159].

Наконец, наиболее поздний блок материалов представлен **бондарихинской культурой**. К ней относится комплекс 54 (яма) в раскопе 3 и несколько фрагментов из культурного слоя.

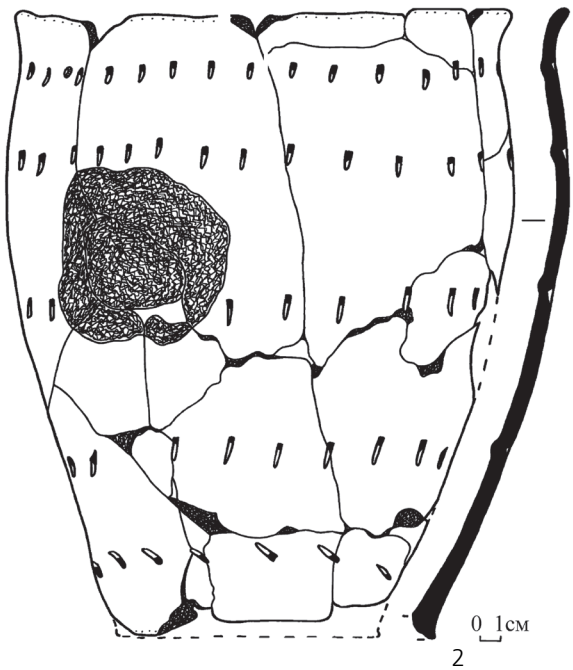
Комплекс 54 (рис. 4: *1*) был обнаружен в восточной части раскопа 3 практически у самого подножия песчаного останца (дюны), на котором расположен раскоп. Он представлял собой овальную в плане яму с небольшой нишей в южном секторе, которую в верхней части немного перерезал раннесредневековый комплекс 53. Размеры ямы составили 130 × 120 см. Стенк и под небольшим углом спускались к ровному дну на глубину 65 см[1] (135 см от современной поверхности). В северо-западной и юго-восточной стенке с глубины 25 и 35 см соответственно, начинался глубокий подбой. В его юго-восточной части, по линии запад-восток, располагались 3 сосуда реконструируемые в полную высоту, установленные вверх дном (рис. *4–5*). Все они имели отверстия для связывания [8, с. 22–23]. Других находок в заполнении комплекса не было.

Первый сосуд — слабопрофилированный горшковидный (рис. 4: *2*). Короткий венчик слабо отогнут, наибольшее расширение тулова приходится на первую треть высоты, дно с закраиной. Высота 31–31,5 см, d венчика 24,5 см, d боков 25,5 см, d дна 13 см. По типологии Ю. В. Буйнова и А. С. Кузьменко визуально его можно отнести

[1] Глубина дается от условного «0» от уровня зачистки (–80 см).



1



2

Рис. 4. Комплекс 54 из раскопа 3:
1 – план и разрез комплекса 54; *2* – сосуд 1 из комплекса 54

Fig. 4. Complex 54 from the pit 3:
1 – plan and stratigraphy of the complex 54; *2* – vessel 1 from the complex 54

к типу V [52, с. 147, рис. 2], по схеме одного из авторов этой статьи — к переходной разновидности между вариантами A.II.5 и A.II.7 [53, с. 55–56, додаток А.3]. Внешняя поверхность оранжевая, с более темными участками, на ней заметны расчесы от обработки твердым орудием (деревом?), внутренняя — черная. Визуально в тесте заметна примесь шамота. Орнамент состоит из пяти рядов тычков, покрывающих весь сосуд от шейки до придонной части. Тычки в самом нижнем ряду нанесены снизу-вверх и чуть наискось, что определялось, скорее всего, условиями производства (во время орнаментирования сосуд стоял на земле или низкой подставке).

Второй сосуд также слабопрофилированный горшковидный (рис. 5: *1*). Высота 33 см, d венчика 26,5 см, d боков 28,5 см, d дна 12 см. В типологических схемах бондарихинской керамики — это тип IV [52, с. 147, рис. 1], либо вариант A.II.5. [53, с. 55–56, додаток А.3]. Внешняя поверхность оранжевая, с более темными участками, внутренняя — черная. В тесте — шамот. Орнамент состоит из четырех рядов тычков, которые начинаются на шейке и опускаются ниже боков, не доходя до низа придонной части. Внешняя поверхность покрыта вертикальными расчесами мелкозубчатого штампа, которые опускаются ниже орнамента, но также не доходят до дна. Такими же горизонтальными расчесами обработан край венчика с внутренней стороны.

Третий сосуд — слабопрофилированный горшковидный, но более приземистый, чем предыдущие, ассиметричен (рис. 5: *2*). Высота 21–21,5 см, d венчика 19–20 см, d боков около 23,5 см, d дна 13–14 см. Цвет внешней поверхности варьирует от серого до светло-коричневого, внутренней — от коричневого до черного. Поверхности хорошо заглажены. В тесте — шамот. Орнамент нанесен на верхнюю часть плечиков, сразу под изгибом шейки. Состоит из трех горизонтальных линий, в пространстве между которыми нанесены параллельные наклонные отпечатки (мотив таким образом приобретает вид двух состыкованных «лесенок»). У нижней «лесенки» все отпечатки направлены вправо. У верхней большая часть отпечатков наклонена влево, но на определенном участке наклон сменяется правосторонним. Из-за потерянных фрагментов не удается восстановить количество отпечатков каждого вида в каждой «лесенке». На внешней поверхности заметны участки, обработанные зубчатым штампом — вертикально или по диагонали. Следы обработки очень слабые (возможно, после нанесения они были заглажены). На плечиках различаются следы от мелкозубчатого штампа, в придонной части — от крупнозубчатого. В целом, сосуд заметно отличается от остальных, обнаруженных в яме. Это касается как орнамента и формы, так и технологических особенностей (внешняя поверхность темнее, обработана тщательнее).

Комплекс ямы относится к малобудковскому этапу (или типу) бондарихинской культуры, о чем свидетельствуют характерные черты двух обнаруженных в ней сосудов — покрытие всего тулова поясами орнамента (рис. 4: *2*), мелкозубчатые вертикальные расчесы внешней поверхности (рис. 5: *1*). Достаточно показательны и морфологические типы, которые, по наблюдениям Ю. В. Буйнова и А. С. Кузьменко, характеризуют именно малобудковский тип/этап [52, с. 147].

Атрибуция третьего сосуда из ямы пока не до конца ясна. Как отмечалось выше, его отличает ряд особенностей, что позволяет предполагать его неместное производство. В целом, ни форма, ни орнамент для бондарихинской традиции не характерны. Отметим, что сплошная «лесенка» как мотив орнамента в различных вариациях на бондарихинской керамике присутствует, больше характеризуя «столовую», чем «кухонную» категорию [54, рис. 4, *2–3*; 55, рис. 1, *12*; 2, *7*; 3, *8*; 56, рис. 12, *19*][1]. Однако композиция в целом (двойная сплошная косая «лесенка») здесь пока не отмечена. Среди памятников региона ближайшую ее аналогию представляет орнаментальный прием на сосуде из

[1] В данном случае приводятся аналогии «столовых» сосудов, для которых наиболее вероятно предполагать местное производство на бондарихинских поселениях, хотя это положение не является бесспорным.

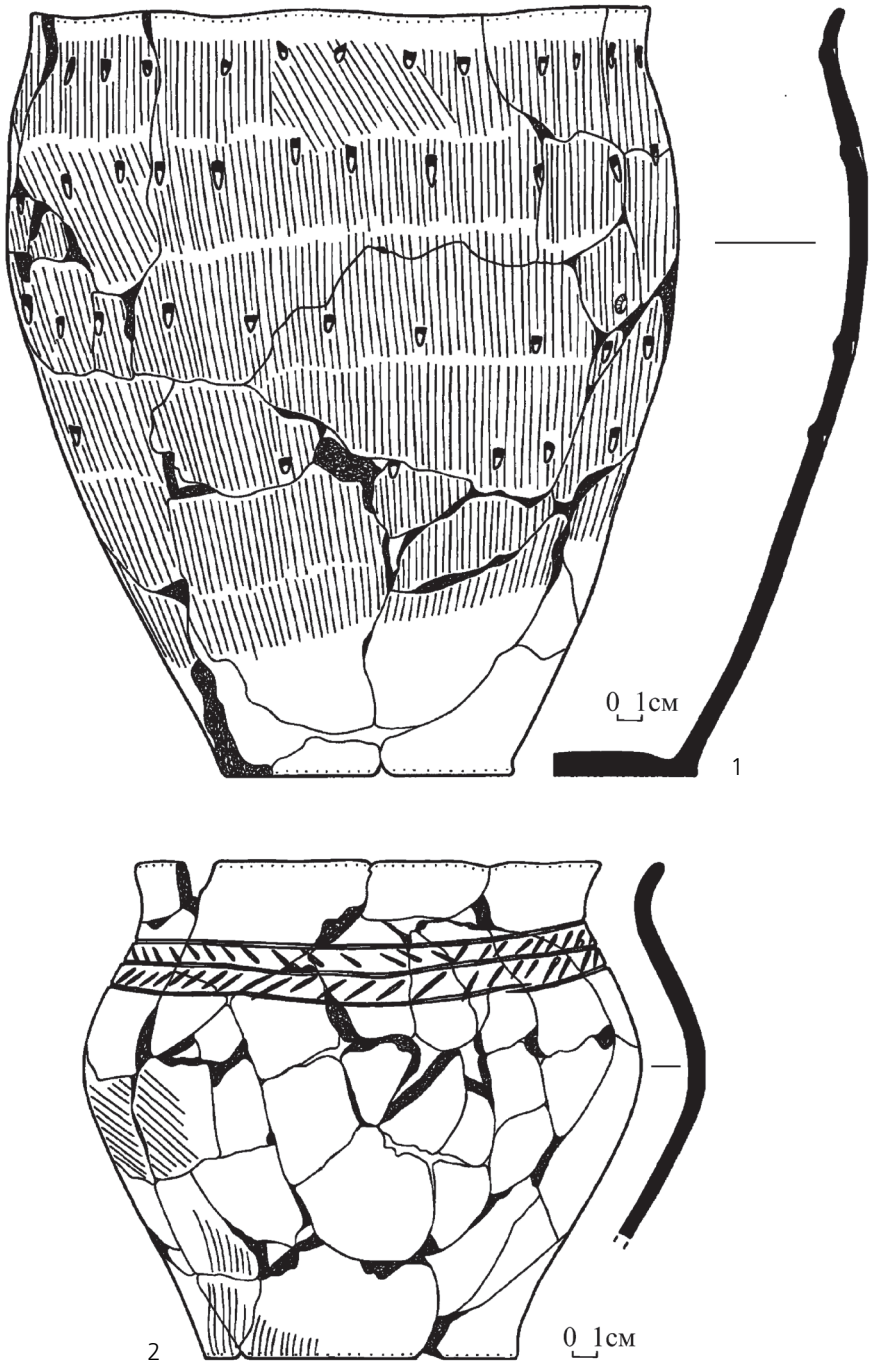


Рис. 5. Сосуды бондарихинской культуры из комплекса 54:

1 – сосуд 2; *2* –сосуд 3

Fig. 5. Pottery of Bondarikha Culture from the complex 54:

1 – vessel 2; *2* – vessel 3

Маренфельда, 1/1, атрибутированного авторами публикации в рамках «финальносрубной» традиции[1]. Здесь, однако, композиция сложнее [22, с. 214–215, 224–225, рис. 4, *1*]. Кроме того, присутствие двойных «лесенок» (одно- и разнонаправленных) отмечается на керамике «валиковых» памятников Поволжья [23, рис. 20, *4*; 28, *4*; 29, *9*]. Учитывая эти аналогии, мы склонны относить рассматриваемый сосуд к упоминавшейся выше «восточной» группе керамики по Я. П. Гершковичу [35, с. 75–76, 78; 46, с. 70] и связать его происхождение с восточным кругом валиковых культур.

Интересно отметить такую особенность, как переворачивание сосудов, установленных в яму — признак культовой практики, неоднократно описанный исследователями традиционных обществ и памятников эпохи палеометалла Евразии. Данный прием маркирует комплекс обрядовых действий, связанный с переходом в иное состояние, может нести охранную функцию, иногда призван создать обстановку, вообще неблагоприятную для какого-либо проявления жизнеспособности [см.: 57, с. 178–179; 58; 59, с. 305–306; 60, с. 101]. Отметим, что переворачивание бондарихинских сосудов уже отмечалось по материалам поселенческих памятников Среднего Подонцовья, в частности, Дибровы [61, с. 9; табл. XV, *1–2*; XX, *1–2*].

В культурном слое обнаружены еще несколько фрагментов бондарихинской керамики. Венчик слабопрофилированного сосуда, орнаментированный круглым наколом на шейке и пальцевыми вдавлениями по срезу венчика (рис. 2: *11*). Фрагмент стенки, орнаментированный в районе боков горизонтальным рядом пальцевых защипов (рис. 2: *12*). Внешние поверхности этих фрагментов светлее (оранжевый, коричневый), чем внутренние (черные). В тесте заметна примесь очень крупного шамота (до 6 мм и более). Описанные фрагменты относятся к развитому, либо, скорее, позднему этапам бондарихинской культуры. В пользу датировки их поздним этапом свидетельствует примесь очень крупного шамота и характерный орнамент, представленный рядом округлых наколов на шейке.

Развитый (средний) этап бондарихинской культуры датируется серединой XI (условно) — X вв. до н. э. [62, с. 135–139; 63, с. 7–12; 64, с. 175]. Позднебондарихинские комплексы бассейна Северского Донца Ю.В. Буйнов датирует IX — серединой или второй половиной VIII вв.до н. э. [65, с. 42–48]. По мнению одного из авторов данной работы, их верхняя граница синхронна финалу позднечернолесской культуры и должна определяться рубежом IX/VIII вв.[53, с. 12].

Еще один фрагмент стенки бондарихинского сосуда имеет широкую датировку. Он орнаментирован неопределимым мотивом из тычков, цвет поверхностей — оранжевый, в тесте — примесь шамота (рис. 2: *13*).

Таким образом, рассмотренные материалы представляют достаточно разнообразную в этнокультурном плане картину, отражающую особенности перехода от позднего бронзового к раннему железному веку.

Динамика культурных изменений с некоторыми оговорками может быть представлена следующим образом. Наиболее ранним, вероятно, следует считать поселенческий памятник срубной общности, предположительно, бережновско-маевской срубной культуры с общей датировкой XV—XIII вв. до н. э. Вероятно, на этапе перехода к финальному (заключительному) периоду эпохи бронзы было совершено погребение в раскопе 9. Не исключено, что оно может представлять традиции культур Волжско-Уральского региона. Вопрос о его соотношении с материалами СКИО пока неясен. В раннебелозерское время (XII— условно середина XI вв. до н. э.) на памятнике зафиксировано пребывание носителей раннебондарихинской культуры (малобудковского типа). Отдельная группа находок представляет развитую, либо позднюю бондарихинскую культуру и предварительно датируется в рамках от середины XI до рубежа IX/VIII вв. до н. э.

[1] Иными словами — постсрубной.

Обращает на себя внимание присутствие элементов восточного (поволжско-приуральско-казахстанского) происхождения в комплексах финального (заключительного) периода эпохи бронзы, что, по мнению исследователей, маркирует один из ведущих векторов контактов населения Днепро-Донецкого междуречья в рассматриваемое время. В качестве причин этого явления называются изменение климатической обстановки в последней четверти II тыс. до н. э. (начало процесса аридизации) [35, с. 81], а также межплеменные экономические связи, вызванные функционированием т. н. «оловянного пути» [40; 66, с. 181–182].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гершкович Я. П., Антипина Е. Е., Лебедева Е. Ю., Панковский В. Б., Усачук А. Н., Шевченко Д. А.* Комплексные исследования поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Северского Донца //АДУ 2003–2004 рр. — Запоріжжя, 2005.
2. *Плетнева С. А.* Отчет к открытому листу № 8 Сев-Донецкого отряда Южно-Русской экспедиции за 1957 г. // НА ИА НАНУ. — 1957/17.
3. *Шрамко Б. А.* Погребение VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской области // Древнерусское государство и славяне. — Минск, 1983.
4. *Михеев В. К.* Отчет о научно-исследовательской работе Международного Центра хазароведения за 2005 г. // НА ИА НАНУ. — 2005/266.
5. *Квитковский В. И.* Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. — Х., 2011. — Вип. 1
6. *Михеев В. К.* Отчет об археологических исследованиях Средневековой археологической экспедиции Харьковского университета в 1978 году // НА ИА НАНУ — 1978/72.
7. *Крыганов А. В.* Отчет об археологических раскопках поселений и городища в Волчанском и Чугуевском районах Харьковской области в 1990 г. // НА ИА НАНУ. — 1990/190.
8. *Квитковский В. И.* Отчет о работе Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2012 году //НА ИА НАНУ. — б/н.
9. *Колода В. В., Квитковский В. И.* Археологические исследования ХНПУ на территории Харьковской обл. в 2008 г. // АДУ 2008 р. — К., 2009.
10. *Квитковский В. И., Колода В. В.* Исследования Слобожанской раннесредневековой экспедиции на многослойном селище Пятницкое-I // АДУ 2009 р. — К., 2010.
11. *Берестнев С. И.* Восточноукраинская Лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). — Х., 2001.
12. *Отрощенко В. В.* Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). — К., 2001.
13. *Отрощенко В. В.* Історія племен зрубної спільності. Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. — К., 2002.
14. *Квитковский В. И., Колода В. В.* Отчет об археологических исследованиях Слобожанской раннесредневековой экспедиции на селище Пятницкое-I в 2009 году // Архив науч.-исслед. археол. лаб. ХНПУ им. Г. С. Сковороды.
15. *Колода В. В., Квитковский В. И.* Отчет о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2008 году (селище Пятницкое-I и городище Мохнач в Харьковской области) // НА ИА НАНУ — 2008/91.
16. *Отрощенко В. В.* Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К, 1986.
17. *Ларенок В. А., Потапов В. В.* Древнейший некрополь Кобякова городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V «Минаевские чтения» по археологии,

этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тез. докл. науч. конф. — Ставрополь, 2001.
18. *Потапов В. В.* Погребения белозерского хронологического горизонта в бассейне Нижнего Дона и Северо-Восточном Приазовье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. — Ростов н/Д, 1998.
19. *Потапов В. В.* Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела // Донская археология. — 2000. — № 3–4.
20. *Потапов В. В.* О культурной атрибуции памятников финала поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения: Матер. научн. конф. — М., 2005.
21. *Потапов В. В.* Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 «Археология». — М., 2010.
22. *Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии Юга Восточной Европы финала бронзового века // Донецький археологічний збірник. — 2012. — № 16.
23. *Колев Ю. И.* Заключительный этап бронзового века в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. — Самара, 2000.
24. *Колев Ю. И., Седова М. С.* Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // Вопросы археологии Урала и Поволжья. — Самара, 2004. — Вып. 2.
25. *Бєляєв О. С.* Нові дані про бондарихинську культуру // Археологія. — 1984. — Вип. 46.
26. *Горбов В. Н., Мимоход Р.А.* Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. — Донецк, 1999.
27. *Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К.* Грунтовый могильний позднего бронзового века Червоный Шлях-1 в бассейне Северского Донца // ВХУ. — 2005. — № 701. — Вип. 37.
28. *Ромашко В. А.* Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). — К., 2013.
29. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С.* Новые памятники маевского типа срубной культуры // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. — Днепропетровск, 1976.
30. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья II—I тыс. до н. э. — Днепропетровск, 1977. — Вып. 1.
31. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // Курганные древности Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1978. — Вып. 2.
32. *Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Андросов А.* Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1979. — Вып. 3.
33. *Волкобой С. С.* Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курганы Степного Поднепровья. — Днепропетровск, 1980. — Вып. 4.
34. *Гершкович Я. П.* К вопросу об андроновских элементах в срубной культуре на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья. — Куйбышев, 1978.
35. *Гершкович Я. П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье — Северо-Восточное Приазовье — Подонцовье) // Археологический альманах. — 1998. — Вып. 7.

36. *Березанская С. С., Гершкович Я. П.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. — Челябинск, 1983.
37. *Кузьмина Е. Е.* О западных связях андроновских племен // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1987.
38. *Ольховский В. С., Отрощенко В. В.* Курганное святилище эпохи поздней бронзы в Крыму // Древности Степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье, 1991. — Вып. II.
39. *Лысенко С. Д.* Кубки маевского типа из Среднего Поднепровья // Археологическое изучение Центральной России. Тез. междунар. науч. конф. — Липецк, 2006.
40. *Куштан Д. П.* Трансъевразийский «оловянный» путь эпохи поздней брозны // Российский археологический ежегодник. — СПб., 2012. — № 2.
41. *Смирнов А. С., Сорокин А. Н.* Поселение эпохи поздней бронзы в верховьях Северского Донца // СА. — 1984. — № 4.
42. *Берестнев С. И.* Поселение Таранцево и вопрос о населении Днепровского Лесостепного Левобережья в начале раннего железного века // РА. — 1994. — № 3.
43. *Теліженко С. А., Черних Є. О.* Матеріали пізнього енеоліту — середньовіччя з багатошарової пам'ятки Клешня-3 // Матеріали та дослідження з археології Східної України. — Луганськ, 2006. — Вип. 5.
44. *Шрамко І. Б., Корохіна А. В.* Охоронні дослідження поселення з матеріалами доби бронзи — раннього заліза «Пісочин-Мобіль» // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. — К., 2007. — Вип. 9.
45. *Буйнов Ю. В.* Поселення бондарихінської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині // ВХУ. — 2003. — № 594. — Вип. 35.
46. *Гершкович Я. П.* Взаимодействие археологических культур в заключительный период эпохи поздней бронзы на Юго-Западе Восточной Европы // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. конф. — Оренбург, 2001.
47. *Колев Ю. И.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. — Самара, 2008.
48. *Стадник А. И.* Слой эпохи поздней бронзы на поселении Заозерное I // Матеріали та дослідження з археології Східної України. — Луганськ, 2011.
49. *Горбов В. Н.* К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском Лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы. — СПб., 1995. — Ч. II.
50. *Горбов В. Н.* Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). — Донецк, 1996. — Ч. 2.
51. *Горбов В., Кабанова Е.* Камышеватая-XIV — поселение позднего бронзового века в Северо-Восточном Приазовье // Аркасівські читання. Матер. І міжнар. наук. конф. — Миколаїв, 2011.
52. *Буйнов Ю. В., Кузьменко А. С.* Типология кухонной посуды бондарихинской культуры (опыт многомерного статистического анализа) // ВХУ. — 1992. — Вып. 26.
53. *Корохіна А. В.* Кераміка бондарихинської культури. Дис. ... канд. іст. наук. — К., 2011 / НА ІА НАНУ.
54. *Буйнов Ю. В.* Поселення малобудківського типу доби пізньої бронзи біля с. Тимченки у басейні Сіверського Дінця // Археологія. — 2006. — № 1.
55. *Буйнов Ю. В., Корохина А. В.* Позднебондарихинские комплексы в раскопе VII поселения Родной Край-1 // ВХУ. — 2006. — Вип. 38. — № 728.
56. *Горбов В. Н., Усачук А. Н.* Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // Донецкий археологический сборник. — Донецк, 2001. — Вып. 9.

57. *Свешникова Т. Н., Цивьян Т. В.* К функции посуды в восточнороманском фольклоре // Этническая история восточных романцев. — М., 1979.
58. *Толстой Н. И.* Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд). — М., 1990.
59. *Пошивайло О.* Етнографія українського гончарства (Лівобережна Україна). — К., 1993.
60. *Мимоход Р. А.* Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. — Донецк; Макеевка, 2001. — Т. 1.
61. *Гершкович Я. П.,* Отчет о работах Донецко-Луганской экспедиции в 1989 г. (раскопки поселения поздней бронзы у с. Диброва и кургана у с. Чернухино Перевальского р-на Ворошиловградской обл.) / НА ИА НАНУ — 1989/192.
62. *Буйнов Ю. В.* Бондарихинская культура: дисс. ... канд. ист. наук. — Х., 1981.
63. *Буйнов Ю. В.* О культурно-хронологической принадлежности памятников малобудковского типа эпохи бронзы // Древности, 1994: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1994.
64. *Буйнов Ю. В.* Новые данные о хронологии памятников малобудковского типа // Laurea. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. — Х., 2007.
65. *Буйнов Ю. В.* К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // РА. — 2006. — № 2.
66. *Куштан Д. П.* Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи // Археологічний альманах. — Донецьк, 2013. — № 29.

Резюме

Корохіна А. В., Квітковський В. І. *Матеріали доби пізньої — фінальної бронзи з багатошарового селища П'ятницьке-І в басейні Сіверського Дінця*

Стаття присвячена аналізу матеріалів, здобутих розкопками селища П'ятницьке-І у 2008–2012 рр. Найбільш ранні з них, вочевидь, пов'язані з поселенням бережнівсько-маївської зрубної культури (XV—XIII ст. до н. е.). Фінальний період доби бронзи представляє інгумаційне поховання. У білозерський час (XII — умовно середина XI ст. до н. е.) на пам'ятці перебували носії ранньобондарихинської культури (малобудківського типу). Група знахідок представляє також класичну, чи пізню бондарихинську культуру і датується серединою XI — рубіж IX/VIII ст. до н. е. В матеріалах як пізньої, так і фінальної бронзи прослідковується східний, поволзько-приуральсько-казахстанський вектор культурних контактів.

Ключові слова: доба пізньої бронзи, фінальний період доби бронзи, зрубна культурно-історична спільнота, постсрубний тип, бондарихинська культура.

Резюме

Корохина А. В., Квитковский В. И. *Материалы эпохи поздней — финальной бронзы с многослойного селища Пятницкое-I в бассейне Северского Донца*

Статья посвящена анализу материалов, полученных раскопками селища Пятницкое-I в 2008–2012 гг. Наиболее ранние из них, очевидно, связаны с поселением бережновско-маевской срубной культуры (XV—XIII вв. до н. э.). Финальный период эпохи

бронзы представляет ингумационное захоронение. В Белозерское время (XII—условно середина XI в. до н. э.) на памятнике находились носители раннебондарихинской культуры (малобудковского типа). Группа находок представляет также классическую, или позднюю бондарихинскую культуру и датируется серединой XI—рубеж IX/VIII в. до н. э. В материалах как поздней, так и финальной бронзы прослеживается восточный, поволжско-приуральско-казахстанский вектор культурных контактов.

Ключевые слова: время поздней бронзы, финальный период эпохи бронзы, срубная культурно-историческая общность, постсрубный тип, бондарихинская культура.

Summary

A. Korokhina, V. Kvitkovskiy. *Materials of Late — Final Bronze Age From the Multilayer Settlement of Pyatnitskoe-I in Severskiy Donets Basin*

The paper is devoted to analysis of materials discovered during the excavations of the settlement of Pyatnitskoe-I in 2008–2012. The earliest among them are evidently related to the settlement of Berejnovka-Mayovka Srubnaya Culture (XV—XIII BC). Late Bronze Age Final Stage is presented by the inhumation burial. Population of Early Bondarikha Culture (Maly Budky Type) was occupying the site during Belozerka Culture time (XII — conditionally middle of XI century BC). Series of artifacts also presents Classic or Late Bondarikha Culture and dates up to middle of XI — verges of IX/VIII centuries BC. Eastern vector of communications, related with Volga-Ural-Kazakhstan region, is observed on materials of Late as well as Final Bronze Age.

Key words: Late Bronze Age, Bronze Age final stage, Srubnaya Cultural-Historical Entity, Post-Srubnaya Culture Type, Bondarikha Culture.